

Памяти Эдуарда Бальбурова

Этой осенью, в теплый и спокойный сентябрьский день, от нас ушел Эдуард Африканович Бальбуров, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН, один из активных членов редакционной коллегии журнала «Критика и семиотика». Эдуард всегда относил себя как ученого более всего к области теории литературы, и голос его, внешне негромкий, был одним из ключевых в спектре тональностей современной литературной теории. Его статьи и книги всегда были написаны по существу и о существе – литературы, художественного слова, его связей со словом философским. Особой темой, волновавшей Эдуарда в последние годы, была тема поэтических особенностей философской речи. Этой теме посвящена его последняя книга, которая еще только выйдет в свет, этой же теме посвящена и статья, публикуемая здесь. Мы же посвящаем памяти Эдуарда этот номер журнала, вместе с нашей любовью и печалью.

И. Силантьев

С Эдуардом Бальбуровым я познакомился в 1966 году, когда после нескольких лет учебы в одном из технических вузов он поступил на филологический факультет Ленинградского университета. Вскоре он стал знаковой фигурой, и не только потому, что его отец Африкан Бальбуров издавал тогда лучший в СССР журнал «Байкал», который мы зачитывали до дыр. Эдуард выделялся своей тогда не очень популярной любовью к русской философии. Его умение сопрягать философский и словесный дискурсы, при полном равнодушии к формальным изысканиям, делало его интересным собеседником.

Два года спустя я уехал в Новокузнецк и потерял его из виду. Позднее узнал, что после окончания ЛГУ он поступил в аспирантуру в Пушкинский Дом и довольно быстро защитился.

Мы начали снова встречаться в Новосибирске, куда Эдуард часто приезжал из Улан-Удэ, всегда полный свежих мыслей и грандиозных планов. Я очень обрадовался, когда он перебрался в Академгородок на постоянное жительство.

Мы продолжали спорить не только в аудиториях, но и за шахматной доской. Обычно Эдуард выставлял бутылку домашнего вина, мастером изготовления которого он был, и партия начиналась. Он играл много лучше меня, поэтому всякая редкая победа над ним отмечалась, как событие, дополнительной порцией напитка.

Эдуард всегда восхищал меня предельной внутренней свободой, связанной с полным равнодушием к звону регалий.

Смерть человека всегда горе, но в этом случае к горю примешивается чувство пустоты, которое нечем заполнить. Вечная ему память.

Ю. Шатин